

*Носачев Павел Георгиевич,
д-р филос. наук, проф.
(ПСТГУ, МДА)*

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСМЕРТНОГО ОПЫТА: К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ БОГОСЛОВСКОГО ДИСКУРСА

П. Г. НОСАЧЕВ

В докладе разбирается религиозная и теологическая проблематика феномена околосмертных переживаний. Автор обосновывает, что все образы, описываемые после книги Р. Моуди как неотъемлемые черты загробного опыта, сформировались в теософских и спиритических кругах конца XIX — начала XX в. Анализируется генезис образов внетелесных переживаний, тоннеля, встреч с умершими и светящимся существом.

Ключевые слова: религия, теология, эзотеризм, апологетика, спиритизм, теософия, околосмертный опыт, Р. Моуди.

Исследования посмертного, или, как его еще называют, околосмертного опыта началось со знаменитой работы Р. Моуди «Жизнь после жизни». С момента ее выхода в 1976 г. были написаны десятки, если не сотни исследований на эту тему. До сих пор грантовые организации за рубежом активно поддерживают исследования такого рода, и можно говорить, что сейчас сформировалась исследовательская субкультура, посвященная околосмертным переживаниям. Начиная с Моуди все ученые отстаивают представление о том, что околосмертный опыт — это не набор несвязных случайных переживаний, а последовательная и логичная система образов, независимых от культуры и расы. Эти образы расцениваются многими как значимое научное доказательство реальности загробного бытия души и в некоторых случаях даже как возможность в это бытие заглянуть. Таким образом, создается ощущение, что исследователи этого опыта практически всегда верующие люди, пытающиеся убедить современную атеистическую культуру в истинах духовного порядка. Порой сторонниками теории околосмертного опыта, как в России, так и за рубежом, отстаивается идея о том, что не принимать эти исследования могут только атеисты. Такой тезис игнорирует тот факт, что именно в среде исследователей-богословов были высказаны и до сих пор высказываются серьезные возражения против теории околосмертного опыта [см.: 3, 5, 6]. Что же настолько убеждает богословов в ней?

Напомним, что Моуди открыл единую структуру околосмертных переживаний, которую потом в той или иной степени подтверждали последующие исследования. Согласно ей, переживая состояние клинической смерти, человек испытывает внетелесное переживание, как бы отделяется от своего тела, созерцает его со стороны, видит врачей-реаниматологов, операционную. Затем он переживает опыт пребывания в темном тоннеле, ведущем к свету. За опытом тоннеля могут следовать встречи с «другими», чаще всего умершими родственниками и знакомыми. Завершается опыт появлением «светящегося существа», которое вступает в диалог с умирающим и говорит, что его время еще не пришло и ему нужно вернуться на землю. Незадолго до выхода труда Моуди протестантский богослов Джоан Кристоф Хэмпи написал книгу, также направленную на рассмотрение проблемы околосмертного опыта, и в ней он, в частности, заметил: «...если признать, что всё происходило “за порогом”, то дверь для оккультизма будет широко распахнута» [4, с. 114]. Хэмпи имел в виду, что если все описанные Моуди переживания реально происходят в духовном мире, то это подтверждает отнюдь не христианскую, а оккультную картину мира.

Эта интуиция Хэмпи заставляет нас обратиться к истории формирования образности околосмертного опыта. Дело в том, что сами по себе эти переживания, зафиксированные Моуди и его последователями, не возникают из духовного мира, у каждого из них есть своя история появления, и эта история изначально никак не связана со смертью. Впервые представления о возможности культивирования внетелесного опыта в современных условиях возникают в Теософском обществе. Блаватская и ее последователи развивают идею некой астральной сферы (астрального плана), отличного от материального уровня бытия. Человек осознанно может развивать в себе способность путешествовать в астральном мире, создавая свое тело-двойник (астральное тело), которое спо-

собно передвигаться вне границ обычного человеческого пространства. Практика астральных путешествий, а с ней и аутоскопическая культура (созерцание своего тела как бы со стороны) активно популяризируется в теософских и спиритуалистических кругах и со временем становится расхожим тропом в культуре.

Особый интерес в контексте темы околосмертного опыта представляет образ серебряной нити, связующей астрального двойника и физическое тело человека. Этот образ повсеместно использовался теософами, и именно он стал неотъемлемой чертой последующих аутоскопических описаний околосмертного опыта. Так, Иог Рамачара (Уильям Аткинсон) характеризует этот процесс следующим образом: «...привычный и развитый оккультист способен сознательно выделить свое астральное тело и сделать его видимым по своему желанию; но такая сила редка и приобретает лишь долгим упражнением. Ясновидящие “видят”, как отделяется астральное тело человека от физического, когда приближается час смерти, им кажется тогда, что оно реет над физическим телом как его двойник, соединенный с ним тонкой нитью. Когда нить порывается, человек умирает...» [2]. Этот эзотерический по своей природе образ стал общеупотребимым и через идею апологетической значимости околосмертного опыта просочился даже в православную культуру. Например, в своем известном романе «Мои посмертные приключения» Ю. Вознесенская описывает первые посмертные впечатления героини следующим образом: «В палате врачей уже не было, только за столиком в углу сидела дежурная сестра. Мое тело лежало очень спокойно, грудь равномерно поднималась и опускалась, но, поглядев на опутавшие меня провода и трубки, я поняла, что жизнь в этом теле теплится только благодаря медицинской аппаратуре. Светящийся шнур соединял меня с моим неподвижным телом внизу, и тут только до меня дошло: никакой это не сон и не бред, это все происходит на самом деле» [1]. Мы видим тот же эзотерический образ серебряной нити, но уже в православном фэнтези.

В той же мере почерпнутым из эзотерической культуры является и широко распространенный образ тоннеля. Стоит заметить, что, согласно мнению исследователей [см.: 7], до XIX в. этот образ не встречается в описаниях загробного опыта. И лишь после публикации в спиритуалистическом журнале «Borderland» статьи об опыте тоннеля, полученном под хлороформом, этот образ закрепляется сперва в теософских кругах, а затем и в описаниях околосмертных переживаний. Такая популярность именно тоннеля не столь удивительна, поскольку как раз с конца XIX в. путешествия по тоннелям становятся обыденной практикой большинства пассажиров железной дороги, а с появлением метро и фуникулеров — достоянием всех людей.

Так же обусловлены культурным контекстом встречи с умершими людьми и описания загробного мира. Они широко представлены в спиритуалистических кругах XIX в. и описывают страну вечного лета, рай в представлении спиритов. Описания светящегося существа почерпнуты из теософской рецепции «Тибетской книги мертвых», первый перевод которой на английский язык выполнил У. Эванс-Вентц. Он превратил путеводитель по загробному миру тибетского буддизма уже умершего человека в руководство по умиранию еще живого. В «Книге мертвых» свет — это не существо, а свет нирманакайи, свет Бардо есть лишь посмертное сознание, лишённое впечатлений, образов, звуков, воспринимающее само себя. Субкультура 60-х гг. была хорошо знакома с переводом Эванса-Вентца. Например, Олдос Хаксли перед смертью просил жену читать ему отрывки из этой книги. Именно из субкультуры и почерпнул этот образ Моуди.

С точки зрения исследования религии важно, что вся система образов, составляющих суть околосмертного опыта, была сконструирована в эзотерических кругах конца XIX — начала XX в., а позднее, с появлением диагноза «клиническая смерть», атрибутировалась состоянию умирающего, но не мертвого человека. Благодаря широкому распространению эзотерической образности в современной культуре мозг умирающего человека занимается известным в психологии процессом — криптомнестизией, или неосознанным плагиатом образов из массовой культуры для создания цельного нарратива, объясняющего шоковое травматическое переживание приближающейся смерти. Еще одним важным фактором оформления этого опыта является распространенный метод исследователей фиксировать события околосмертных переживаний по факту наррации, проецируя его в прошлое на момент смерти. Иными словами, интервью, взятое у человека спустя несколько дней, недель, месяцев, а то и лет после клинической смерти, начинает восприниматься как точное описание его околосмертного опыта, без учета временного и культурного контекста.

Но наибольшую важность с богословской точки зрения представляет следствие широкой популярности свидетельств об изучаемом типе опыта в современной религиозной, в том числе и православной среде. Утверждая реальность такого опыта как переживания посмертного и начиная доказывать с по-

мощью него реальность христианского взгляда на загробную жизнь, современная религиозная культура утверждает примат личного религиозного опыта над догмой и традицией церкви. Утверждение «я это испытал, следовательно, это истинно» все шире входит в жизнь современных православных верующих, игнорируя отношение к личным переживаниям в древнехристианской аскетической литературе. Но эта тема для отдельного исследования.

Список литературы

1. Вознесенская Ю. Мои посмертные приключения. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=30015&p=2>
2. Йог Рамачарака. Основы мировоззрения индийских йогов. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=94497&p=2>
3. Роуз Серафим, иером. Душа после смерти. М.: Паломник, 2004.
4. Hampe J. C. To Die Is to Gain. Te Experience of One's Own Death. L.: Darton, Longman, 1979.
5. Küng H. Eternal Life? L.: Collins, 1984.
6. Marsh M. N. Out-of-Body and Near-Death Experiences. Brain-State Phenomena or Glimpses of Immortality? N.Y.: Oxford University Press, 2010.
7. Schlieter J. What Is It Like To Be Dead?: Near-Death Experiences, Christianity, and the Occult. N. Y.: Oxford University Press, 2018.

*Иванов Игорь Анатольевич, иерей,
канд. филос. наук, доцент
(СПбДА)*

ХРИСТИАНСТВО. НАЦИЯ. ГОСУДАРСТВО. НА ПРИМЕРЕ ВЗГЛЯДОВ ПРОФ. ПРОТ. ДУМИТРУ СТАНИЛОЕ В 1930-Е ГОДЫ

И. А. ИВАНОВ

В докладе рассматривается отношение проф. прот. Думитру Станилое к вопросам сочетания православного мировоззрения, патриотизма и государственности в контексте идейных споров, проходивших в ситуации территориальных и общественных изменений в Румынии в 1920—1930-е гг. Понимание специфики идейного поля румынской национальной и государственной самоидентификации в условиях формирования новой карты Европы в 30-е гг. может быть учтено и в деле выработки гармоничной идейной платформы для формирования обновленной российской самоидентификации при решении вопросов территориальной целостности России.

Ключевые слова: Румыния, православие, нация, протоиерей Думитру Станилое.

Трагические события, связанные с окончанием Первой мировой войны — крушение империй и революционное движение в России и Европе, — способствовали тому, что именно в Румынии сложилась возможность построения единого государства из разрозненных доселе румынских (по культуре и вере) территорий. Как отмечает П. А. Обухов, «1 декабря 1918 г. произошло Великое объединение всех бывших румынских земель, захваченных Габсбургами, с королевством Румыния» [1, с. 26]. Более того, можно сказать, что в период 1918—1940 гг. румынская интеллектуальная и политическая элита была воодушевлена идеей «Великой Румынии», в концептуальной части значительно фундированной национальными и религиозными вопросами. К общему голосу мыслителей этой короткой, но значительной эпохи присоединился и молодой священник Думитру Станилое (1903—1993), активно сотрудничавший с проф. Никифором Крайником в его журнале «Gandirea» («Мысль») — крупнейшем национально-патриотическом издании в Румынии того времени. На материале некоторых статей о. Д. Станилое, написанных для этого журнала в 1930-е гг., рассмотрим его взгляды на проблематику соотношения понятий «нация», «государство» и «Церковь» в контексте идейного поля «румынизма».

В статье «Православие и нация» о. Д. Станилое выступает поборником уникальной самоидентичности как индивида (личности), так и народа (соборности личностей), не забывая и о симфонии наций. С одной стороны, он говорит о богословии личности: «Каждое из человеческих лиц приходит на свет, будучи связанным с прошлым народа и личной творческой свободой, наполненной тем или иным содержанием. Ипостась каждого человека приходит от Бога, аккумулируя прошлый опыт отцов, преодолевая его, становясь тем, что каждый из себя представляет на небесах» [2, р. 77]. А с другой стороны, он пишет о богословии нации: «Благодать выражается в облагораживании и украшении содержания жизни каждой нации. В нации под действием Божией силы растет высшая лирика... Лирика двух христианских народов различна, различны мотивы, воспоминания, происшествия жизни, резонанс душевный в каждом из двух народов. Христианин становится содержанием традиций, занятий, выражений, творений своего народа. Весь диапазон душевной жизни человека (различный от народа к народу), согретый и пронизанный божественной благодатью, становится христианским. И поэтому очевидно то, почему каждый народ по-своему реализует христианство» [2, р. 83].

В статье «Два царства» о. Д. Станилое говорит о двух кардинально отличающихся средствах к исправлению народной жизни: государственный закон и христианская любовь. Первый путь он соотносит с ветхозаветным уровнем мышления. Кроме того, он отмечает, что носители государственной идеи сами должны быть «праведными», иначе авторитет закона девальвируется. Приведем несколько цитат на эту тему:

Государство само в себе, как страж закона, закона справедливого, не является чем-то плохим. Злое приражается к нему в том случае, когда государство становится автономным стражем неправды. Жесткость государства или его представителей, если не имеет страстного или амбициозного характера, равно как и служба порядку Господню, не имеют в себе ничего дурного. Но очень трудно достичь того, чтобы человек властный соблюдал эти условия [3, р. 29].

Царствие Небесное не может оставить только справедливый закон для своих сограждан. Ведь его употребление было бы весьма жестким, если бы рядом не было любви. Любовь прощает, а закон наказывает [3, р. 30].

Церковь может уважать государство как подвизающееся против зла и наоборот. По сути, карающий меч и другие средства закона не будут для Церкви неправильными, до тех пор, пока они не начинают применяться для непотребства. В конце концов, не судится Церковью жесткость, потому что Церковь не мнит, что государство работает по любви и милости, а считает, что оно отвечает перед Богом за соблюдение порядка. Ужесточение большее или меньшее государство делает и без какого бы то ни было исследования среди населения. А Церковь трудится над тем, чтобы сделать граждан более порядочными, чтобы смягчать санкции государства [3, р. 30—31].

Церкви не нужен какой-то примат над государством, потому что такой примат не может быть обеспечен иными средствами, нежели государственными. И она не будет критиковать жесткость закона. Она может просить только о том, что выводится из правильного устройства государства: оно должно (1) быть справедливым и (2) сознавать, что оно на службе у Бога, а не само по себе. То есть быть сильным, блюсти закон и справедливость. С учетом этого Церковь не только не порицает его, но и дает ему свое благословение [3, р. 33].

Но государство служит Богу, только если имеет три характерные особенности: правое наказание; понимание того, что оно служит Богу; непорочное состояние того, кто наказывает. Однако возвышенное устройство и его поддержание — очень тяжелая вещь для человека [3, р. 34].

Если бы не осталось Церкви в чистоте, не было бы того, кто прощает, кто потопляет грех человека. Люди Церкви могут благословлять путь закона, но не могут следовать только по нему. Путь Государства необходим, но мы не сделаем напрасной продолжающуюся жертву Агнца [3, р. 35].

В статье «И снова о румынизме и православии» о. Д. Станилое полемизирует с Константином Рэдулеску-Мотру, считавшем, что «православие не входит в число духовных факторов, влияющих на румынизм» [4, р. 241], и попросившем у правительства исключить православие из планов образовательных программ румынского народа. Станилое обличает его так: «Совершая грубую ошибку, г. Рэдулеску-Мотру идентифицирует тех, кто поддерживает влияние христианства на румынский дух, с фарисеями Нового Завета. Я удивляюсь тому, как он не понимает ситуации. Фарисеи хотели монополизировать